
Литературное сегодня

Новейшая антология

Анна ЖУЧКОВА

ПОХОРОНЫ СЫНА ВЕКА

Роман А. Рубанова «Патриот»

Аннотация. В статье, посвященной роману современного писателя А. Рубанова «Патриот», автор анализирует особенности рубановской прозы на фоне движения литературы сорокалетних от эпизодических зарисовок и автобиографий к более мощным социальным и историческим обобщениям. Автобиографический вектор сменяется размышлением о судьбе своего поколения — в случае рубановского «Патриота» воплощенного в образе Знаева, чья фигура оказывается в центре авторского внимания в приведенной статье.

Ключевые слова: А. Рубанов, современная русская проза, «пацанская» проза, современный герой, современный роман.

В. Пустовая в особый подкласс современной литературы выделяет «пацанскую» прозу З. Прилепина, А. Рубано-

Анна Владимировна ЖУЧКОВА, кандидат филологических наук, литературный критик, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета РУДН. Сфера научных интересов — современная литература, русская и зарубежная литература XX века, семантическая поэзия, психопоэтика. Автор книги: «Магия поэтики О. Мандельштама» (2009), а также ряда статей по указанной проблематике. Email: carpa@mail.ru.

ва и С. Шаргунова, отмечая ее страстность к широте жизни, желание персонажей «быть хорошими» и трагизм: «пацанская» литература пишется о том, что «в нынешней России мечта о правильной жизни оплачивается преступлением» [Пустовая: 84]. Но Валерия Пустовая не была бы собой, если бы удовлетворилась сожалениями «не мы такие, жизнь такая». Вскрывая оболочку социальной проблематики, критик видит психологическую незрелость «пацанской» литературы, ее неспособность «дорасти до зрелой правды»: «Каждый из героев трех писателей тщится стать не тем, кто он есть, видит мужество и честь в том, что наиболее далеко уводит его от них» [Пустовая: 87].

«Пацанская» литература была красивой, молодой и злой, когда взорвала болото русского постмодернизма. Но она отказалась взрослеть и стала жесткой рамой для своих авторов. Лейтмотив прилепинских героев — пустота, рубановских — вечное самоутверждение.

Пацан — современный тип маленького человека. Униженный и оскорбленный, он винит ближнего, общество, судьбу, но только не самого себя. В психологии это называется «внешним локусом контроля».

На прямой вопрос, что превратило Сергея Знаева, сквозного героя романов Рубанова, в сбитого летчика, автор отвечает: «Советский Союз превратил» [Рубанов. *Злободневность...*].

В Советском Союзе внешний локус контроля прививался целенаправленно. Партия скажет, партия сможет. В 1990-е, лишившись Большого Брата, многие продолжали искренне верить, что им должны. И шли вырывать у жизни «свое, законное»: грабить, обманывать, убивать. «Я не мстил государству, но запомнил. И потом на протяжении пяти лет просто делал что хотел. Забирал свое» («В бегах»).

В романе «Великая мечта» герой ворует записки из багажников таких же нищих обывателей, но при этом брутальными лозунгами взнуздывает брыкающуюся совесть: «...деньги не появятся, пока их не вырвешь у мира, не выгрызешь, не вытянешь хитростью!»

Но это путь подростка. Еще Достоевский обосновал его бесплодность. Борьба с миром тщетно, начинать надо с себя, с избавления от внешнего локуса контроля. По-

ка он не станет внутренним, пока размышления о вине и ответственности не будут направлены на себя самого, жизнь пацана не изменится, и это мало зависит от изменения жизни вокруг.

В произведениях Рубанова герой и автор слиты в автобиографическом симбиозе, однако с 2012 года намечается их расхождение. Герой остается носителем пацанского образа покорителя мира, автор — взрослеет. Переосмысление «кодекса пацана», проявляющееся в иронии, мы впервые встречаем в сборнике рассказов «Стыдные подвиги». Герой выходит вечером в парк с купленной сыну машинкой. Запуская электрическую игрушку, он ждет восхищения подростков с соседней лавочки. Но те уходят, а на машину лает щенок. Его хозяйка нервничает, кричит на собаку, потом на героя, который отвечает ей тем же, но круче: «Закрой пасть, старая ведьма. Или я сейчас возьму кирпич и разобью башку сначала тебе, а потом твоей псине... На х-й пошла!!!» Оставшись в тишине и одиночестве, он вздыхает о несовершенстве «сестры своей»: «Жаль, — могли бы нормально поговорить. Я бы рассказал про песок на пляже в Троице-Лыково, или даже прочел стихотворение, сочиненное час назад».

Через пять лет после «Стыдных подвигов» выходит роман «Патриот» (2017). Отдышавшись за пятилетнюю передышку от лихорадочной фиксации своей биографии, Рубанов занимает позицию, наконец-то диссоциированную от себя любимого. (Более ранняя попытка в романе «Психодел» потерпела неудачу, так как его главная героиня, бодрая девушка Мила, была все тем же Андреем Рубановым, но в женском платье: собранно, деловито и цинично стремящимся прогнуть мир под себя.)

Выйдя из созависимости с героем, автор «Патриота» впервые стремится не себя показать, не заслужить одобрение, а осмыслить жизнь: «Я писал книгу в значительной степени для себя. Это были попытки какого-то самоанализа» [Рубанов. *Я уже...*].

Критика О. Демидова «Патриот» неприятно удивил «вторичностью»: «“Патриот” — это сумма всех наработок. Вот герой сбежал из фантастического романа “Боги богов”, вот воробей из рассказа “Яшка”, вот обмен товаром на капоте машины, напоминающий сцену из рассказа

“Подрался”, вот армейская жизнь <...> Не хватает только тюрьмы и Чечни» [Демидов].

Но так и должно быть, если «Патриот» завершает пацанскую тему. Ведь *soda*, по законам музыкальной гармонии, и должна актуализировать все предыдущие мотивы, она звучит в главной тональности и содержит все бывшие основными темы.

«Патриот» и по языку отличается от предыдущих произведений Рубанова. Что тоже огорчает О. Демидова: «...Надломленный герой порождает долговязый язык, на котором необходимо о нем говорить, и сбивчивую тихую мысль, которая разворачивается на пятистах страницах» [Демидов]. Критик сожалеет, что проза Рубанова потеряла свою «жилистость», «мускулистость» и советует последнему еще поработать над текстом. На что Рубанов отвечает, что писал этот роман дольше, чем остальные произведения, и «то, что хотел, раскрыл» [Рубанов. *Я уже...*].

Попробуем разрешить дилемму. Фирменная рубановская энергия в «Патриоте» есть. Но раньше она освещала сюжет прямолинейно и узко, как шахтерский фонарь на лбу героя, а теперь ее дислокация глубже: на уровне нравственной коллизии произведения. В «Патриоте» появляется точка зрения автора, альтернативная пацанской, и за счет смены ракурсов герой оказывается не только в социальном, но и в общечеловеческом контексте поиска справедливости. Он уже не воюет, вздыбливая мир, как тореро мулету, а идет по натянутой нити судьбы, как канатоходец над пропастью. Человеческая и «пацанская» правда взвешиваются на весах жизни. И примета этой внутренней напряженности — то, что финальный саспенс не хочется читать быстрее, чтобы узнать развязку, а, напротив, интереснее читать вдумчиво, проникаясь трогательным и важным пробуждением души.

О. Демидов также упрекает автора, что тот «из железного человека делает просто труса и балабола с пошатнувшейся психикой, чем несказанно огорчает читателя, привыкшего к старому Знаеву» [Демидов]. Напрашивается сравнение творческого пути Рубанова с эволюцией Хемингуэя, после «суровой простоты» героев «кодекса» пришедшего к лирическим внутренним монологам в ро-

мане «По ком звонит колокол», до сих пор неоднозначном для исследователей.

Да, в «Патриоте» нет надрыва, свойственного пацанской литературе, и сначала кажется, что герой Рубанова изменился. Ушла истерическая претензия к миру, появилась первичная осознанность: например, если ты задержан за рулем пьяным и лишен за это автомобиля, то виноват в этом сам, а не гады-гайцы.

Но, оказывается, это новое понимание мира появилось не у повзрослевшего героя, а у повзрослевшего автора. Знайка же остался прежним. Как и раньше, он держится за свою исключительность: «Кто теперь понимает, какой рывок сделан за ничтожные десятилетия? Кто сейчас отдает отчет, из каких болот вылезли мы, Плоцкие, Знаевы, лохматые ребята с пионерским прошлым? С каких холодных смрадных днищ мы поднялись до нынешней точки за считанные годы?»

Все герои Рубанова, и Знайка первейший из них, заражены горячечным и болезненным самоутверждением. Хилые и невысокие, они стремятся стать заметными, значимыми, доказать миру свою мужскую суть. В армии в мерзлой подсобке они занимаются карате; в сорок лет стремятся сесть на шпагат, преодолевая боль в мышцах и бессмысленность этой цели; обещают каждый день сидеть под водой на несколько секунд дольше (забывая, что предел, отпущенный человеку, закончится через пару недель). Одним словом, герои Рубанова стремятся к реализации стереотипа «быть настоящим мужиком».

И вот наконец, ура, в «Патриоте» кодекс мужика выполнен. Этот гендерный набор состоит из трех элементов — создавать, быть сильным, защищать жену и детей:

— Это — мое. — Он ткнул себя пальцем в грудь. — Это создал — я. С пустого места. Тут был овраг и бурьян, а теперь свет горит, асфальт лежит и люди ходят толпами. В этом мире все начинается с таких, как я. Я из тех, кто делает <...> В этом мире я — главный. Я превращаю пустоту в содержание.

Но как-то мелко понимает Знаев жизнетворчество: работать, открыть магазин. В этом смысле показательно

определение Знаевым человека-творца в нисходящей градации: «Человек задуман как помощник бога-создателя, как соавтор, как подмастерье». Вот так завуалировано, в чеканную форму афоризма отливая спорные мысли, Рубанов начинает размывать основы жизненной позиции своего героя.

Герой Рубанова — брутальный, нестигаемый мужик, его жизнь — вечный поединок, упрямое противостояние: «Никто мне ничего не сделает. И магазин я не отдам». Половину романного времени Знаев произносит прочувствованные речи о том, как будет драться за свой магазин со всем миром, — и тихо продает его в конце. Не менее пафосно он готовится ехать на Донбасс — и отправляется к океану кататься на серфе. Как дрессированный пудель, герой прыгает в кольцо сюжетных ходов, обеспечивая роману захватывающую коллизию, но ломая логику развития образа. Ломая ли? К. Мильчин сетует, что многие сюжетные линии, заявленные в романе, не доработаны [Мильчин]. Однако обрыв этих линий и есть авторский посыл, позволяющий размышлять о герое нашего времени, о его смутном подростковом сознании и бескомпромиссном недалёковидном упорстве.

Теперь о женщинах и детях. Эта задача Знаевым также выполнена, как ему кажется, «на отлично»: «Я выполнил свой долг. Я обязан кормить своих детей. Содержать их. Я по-другому не могу». И так же, как и остальное, это оказывается лишь видимостью, карикатурой, поскольку о существовании своего младшего шестнадцатилетнего сына Знаев вовсе не знал, а жизнь старшего давным-давно не интересовался. С бывшей женой не общается, живет у молодой художницы на правах собаки на кухне за холодильником. И то, что художница беременна, не мешает ему ее оставить.

Итак, в романе «Патриот» «кодекс мужика» соблюден. Трансляция его «отличного» исполнения занимает большую часть текста. Но если герой «настоящий мужик», почему он проиграл?

И вот тут необходимо отстраниться от навязчивого рефрена мужчинского эго героя и услышать автора, который рассказывает совсем другую историю. Вернее — ту же, но с другой стороны. В «Патриоте» разворачивается тра-

гедия психологического слома души, много лет законсервированной в железном панцире «кодекса».

Откуда же взялся панцирь? Как он нарастал? (Кстати, о панцире как о неременной составляющей образа своего героя автор начал размышлять еще в романе «Психодел».) В качестве подсказки обратимся к рассказу «По нулям» из сборника «Стыдные подвиги». Два друга, повидавшие жизнь бывалые бизнесмены, еле сводят концы с концами, вынужденные выплачивать львиную долю доходов Вовочке, вложившемуся некогда в их бизнес и ныне проживающему на Канарах. Также их донимают иждивенцы из числа «старых друзей». Герои приходят к выводу, что кормить попрошаек и прилипал означает развращать их, что они сами ответственны за сложившуюся ситуацию, и принимают энергичное решение прекратить это. Но звонит колокол, и Семен, сунув руку в карман, подает профессиональным нищим: «— Под колокольный звон, — сказал он, — надо подать обязательно. Так моя бабка говорила».

Целью и содержанием рубановских *героев кодекса* является стремление жить напоказ, соответствовать общественным ожиданиям и в идеале — превосходить их. Быть лучше. А ведь ориентация на внешнюю норму, на то, что скажут другие, — это снова проявление внешнего локуса контроля.

Жить «на оценку» — главная беда Знайки. Он все делает с вызовом, даже если это вызов самому себе. Во всем стремится быть самым лучшим. Что заводит его в тупик.

Принцип «быть лучше, чем...» так глубоко заложен в нашем сознании, что даже странно представить, как можно иначе. Не стараться быть отличником? Не побеждать в соревнованиях? Не зарабатывать больше? Неужели — быть двоечником, неудачником, нищим?

Неверен сам вопрос. Потому что формулируется в той же системе координат. А выход в освобождении от оценочности. В том, чтобы не быть лучше. Быть собой.

Быть собой не умеет ни один из героев Рубанова. И разговор лучшему из них, Знайке, таков: «Ты, Сережа, только на одну десятую — настоящий. Остальное — воздух».

«Патриот» — кривое зеркало для прежних героев кодекса Рубанова: каждому из них в нем находится карикатурная

параллель. Например, лейтмотив образа Знаева из романа «Готовься к войне» — здоровый образ жизни, доходящий до жесткой аскезы, ежедневные физические тренировки, «кофе и мясо — табу». В «Патриоте» это становится бэкграундом инфантильного брюзги Валеры, умирающего от отказа обеих почек: «Он за всю жизнь ни одной таблетки не съел. Медицине не доверяет. Не пил, не курил, чистюля страшный. Каждый день — йога и медитация... Сорок два года... И вот чем закончилось».

Даже название романа — карикатура, блеф. «Патриот-ватник» Знаев главным делом жизни считает пошив телогреек-ватников, которые никому не нужны. Не менее абсурдна идея магазина, стремящегося обеспечить современного москвича «товарами первой необходимости»: ведрами и спичками.

Знаев не патриот уже потому, что не любит Родину. Он любит самого себя в образе «крутого парня», свой дурацкий магазин «Готовься к войне», мощный мотоцикл и войнушку. Он целиком и полностью занят собой. И заключительный демарш — в Лос-Анджелес вместо Донбасса — последнее тому доказательство.

Любовь к родине начинается с любви к женщине. А Знаев не умеет любить. Он сожалеет о несложившихся отношениях с женой, но винит в этом только ее. Он не знает и не понимает старшего сына, которого не навещал два года, и тем более младшего, о существовании которого узнает накануне. При этом Знаев пускает слезу от умиления своими отцовскими чувствами. И это уже не карикатура, а сатира на так называемых биологических отцов нашего времени. Мужчин, разучившихся чувствовать, любить, заботиться. Которые не могут отвечать даже за самих себя, не то что за семью и родину.

От того, что «Патриот» обладает обманной перспективой кривого зеркала, он не становится насмешливым или легковесным. Этот роман — разговор Рубанова с самим собой. Жесткое и честное отдираание предыдущего себя от себя нынешнего.

Ближе к финалу в монологах Знайки прорезывается голос автора. И говорит он совсем не то, что мог бы сказать Знайка. Иногда прямо противоположные вещи:

«Когда женщина ищет порядочного обеспеченного мужчину, она заведомо загоняет себя в тупик. Порядочные не бывают богатыми, и наоборот».

Мог ли это сказать Знайка, всю жизнь считающий себя успешным, богатым и порядочным?

«Думать — бесполезно. Понимание приходит через чувства. Умом понять ничего нельзя».

Подобную мысль Знайке тоже никак не припишешь.

Также расходятся мысли автора и его героя по поводу второй по значимости темы романа — войны на Донбассе.

«В основе были и мои переживания по поводу этой войны. Я ее очень тяжело пережил и знаю, что люди вокруг меня тоже тяжело пережили и продолжают переживать эту ситуацию» [Рубанов. *Я ужасный...*]. Рубанов формулирует то, к чему пришел в ходе мучительных размышлений. Формулирует смело, и эта точка зрения — взвешенное решение мужа совета, а не пацана:

Убивать себе подобных нельзя, это противоестественно и тошнотворно. Никакие высшие цели, никакие обстоятельства благородного возмездия не оправдывают людской гибели, никакая цель, даже самая благородная, не может окупить смертного кошмара любого отдельного человека, каков бы он ни был. Кто умножает смерть, тот умножает власть сатаны.

Понятно, что это совсем не Знайкина позиция. Знаеву, наоборот, хочется, найти себя там, где стреляют, раз во всех остальных местах — потерял.

Итак, «отличник» Знайка ничего не понял в реальной жизни. Да уже и не хочет понимать: «Спутанное сознание нравилось больному гораздо больше, чем настоящее, распутанное». Рубанов показывает закономерный исход существования-игры, в котором доминирует лишь стремление быть лучше, чем другие. Заработав все «оценки», но так и не повзрослев, Знаев — «самый лучший», «самый быстрый» — уходит из романов Рубанова.

Однако в «Патриоте» можно почувствовать новую силу, предвосхищающую рождение иного героя. В глубине «накачанного, мускулистого» и поверхностного реализма Рубанова начинает шевелиться стихия. Ее дыхание ощу-

тимо в «силе человеческой круговерти», в ярких и жизненных портретах москвичей, в бодрых диалогах стаккато. Она в мистической связи всего со всем, в образе дикого шамана, перенесшегося в московский бар. Она в бесовской мощи Москвы, в яростной скорости мотоцикла. А в первую очередь — в мудрости вечного и могучего океана, который и есть — самый сильный в романе.

И еще — стихия любви.

Для таких, как Знайка, любовь и женственность — страшнее океана. «Ты не умеешь любить, — говорит Знаеву бывшая жена. — Очнись, Знаев. Откуда в тебе любовь? Тебя — обокрали! Ты — неполноценный!»

Лишь накачавшись лекарствами и алкоголем, Знаев задумывается:

Дело плохо. Ведь не может быть так, чтоб человек чувствовал любовь ближнего только после того, как потеряет семью, репутацию, только после того, как ему предъявят обвинения по восьми статьям Уголовного кодекса, только после того, как наглотается горькой отравы и зажует горстью ядерных психотропов...

Но узнать, что такое любовь, ему не суждено. Вершина его возможностей в этой области — очередная максима: «Человек реализует свои человеческие качества через любовь». Лошади кушают овес и сено. Герой не воспитывал свое сердце. И потому оно молчит.

Зато в романе есть мнение, высказанное маленькой художницей, чей образ, как отмечает, О. Демидов, удался лучше других, поскольку «несет в себе любовь»¹: «Жизнь — это река, текущая через женщин, а мужчина всего только сидит на берегу и размахивает своим смешным удом».

¹ «Единственный персонаж, который удался на славу, — Гера Ворошилова. Уж кого, а женщин русские писатели вырисовывать умеют. Особенно — тех, в кого влюблены главные герои. Есть в этой богемной художнице какое-то очарование. Она несет в себе любовь. Но не страстную, не похотливую, не платоническую, а библейскую, ветхозаветную, всепрощающую и при этом жаждущую. Получается весьма притягательный образ» [Демидов].

Этот забавный афоризм вводит в роман тему воды, которая и убьет героя. Вода — стихия женственности. Мудрая и свободная, она хранит информацию и никогда не изменяет самой себе, хотя принимает любую предлагаемую форму.

В предыдущих реалистических романах Рубанова не было финала. Повествование как-то растерянно заканчивалось то перед ужином: «Пойдем, а то нас мама ждет» («Великая мечта»), то на выезде с автомойки «Сел в машину, поехал» («Готовься к войне»). На последних страницах встречались размышления о боге, но это было мало связано с действием, а потому не цепляло: «Бог всемогущ» («Йод»), «Я боюсь только Бога, и этим создаю Его» («Великая мечта»).

В «Патриоте» же финал потрясающий: витальный и мощный. В нем дышит Бог, «не по углам, а всюду». Его воля воплощена в океане, который для героя, столкнувшегося с жизненным водородом сил, превосходящих его понимание, и становится «всюду».

Сначала Знайка пытается, как обычно, «продавить» ситуацию: «Ты не убьешь меня. Я знаю правила. Я всегда держу носом к волне <...> Я помню, с тобой нельзя шутить. Ты не терпишь легкомыслия, губишь сразу. Но я не такой. Ты меня не убьешь».

Смысл этой сцены — в двойном отражении. С одной стороны, Знайка не паникует и делает все, что надо. Это жизненное кредо, которое всегда помогало ему держаться на плаву. С другой стороны, он уже «нарушил правила», когда полез в воду пьяный и одинокий. Так же, как нарушал их в течение 48 лет, забывая о человечности, любви и ответственности. Предусмотрительность и дальновидность не выручают его из настоящей беды. На самом-то деле никогда и не выручали, и беда случилась с ним давным-давно.

Сергей Знаев взывает к людям, фары машин которых видит на далеком берегу: «Каждый из них, сидящий в автомобиле, обязан был услышать его мольбу. Почувствовать...» Он требует от мира поддержки. Но так как был глух к людям сам, то и его надежды тщетны.

Тогда он обращается к Богу:

— Господи, — позвал он. — Не оставь меня сейчас. Я не прошу меня спасти. Если мне суждено умереть — я готов. Но пусть это случится в Твоем присутствии, по Твоей воле. Пусть я буду уверен, что Ты рядом. Мне станет легче, если я буду знать, что попал в это место не случайно и не по собственной глупости, а потому что Ты так решил.

Совершенно очевидно, что Знайка попал в это место по собственной глупости. Но дело не только в этом.

Впервые Знаев хочет смириться, ощутить себя частью гармонии мира. Но великому гордецу смириться трудно: «Ощущение бессилия было отвратительным, противоестественным».

Горячо сочувствуя герою, читатель в то же время понимает, что его внутренняя борьба — благотворна, это исповедь и покаянная молитва, которая творится впервые:

Наверное, это и есть Бог, подумал Знаев. Тот, кто управляет тобой, когда ты сам уже бессилён. Сколько бы секунд он мне ни подарил — это будут прекрасные секунды, бескрайние, и, пока они длятся, я буду любить жизнь, всю, и прошедшую, и оставшуюся.

Герой другой важной книги последних лет, «Крепости» П. Алешковского, погибает так же — проходя испытание отчаянием, надеждой на людей, а затем — смиряясь и благодаря. Взаимного цитирования здесь нет. Но есть обнадеживающая тенденция: герои находят ту точку, с которой начинается пробуждение. Неважно, что перед смертью. Мы все равно не знаем срока своей жизни. Но в лабиринте ложных отражений и заблуждений наши мужчины увидели путь, ведущий к обретению себя и Бога.

Литература

Демидов О. Patria o muerte // URL: <http://www.peremeny.ru/blog/20957more-20957>.

Мильчин К. Проигрыш супермена: стоит ли читать «Патриота» А. Рубанова // URL: <http://tass.ru/opinions/4125041>.

Пустовая В. Родины дым // *Пустовая В.* Великая легкость. Очерки культурного наследия. М.: РИПОЛ классик, 2015. С. 80–100.

Рубанов Андрей. Злободневность — не цель литературы. *Беседовал В. Сурков* // URL: <http://chitaem-vmeste.ru/interviews/andrej-rubanov-zlobodnevnost-ne-tsel-literatury>.

Рубанов Андрей. Я ужасный ватник и милитарист, просто не веду публичной агитации. *Беседовал А. Горбачев* // URL: <https://gorky.media/context/ya-uzhasnyj-vatnik-i-militarist-prosto-ne-vedu-publichnoj-agitatsii/>.

Рубанов Андрей. Я уже прочел все, что мне было нужно. *Беседовала Е. Васильева* // URL: <http://prochtenie.ru/texts/28977>.

Bibliography

Demidov O. Patria o muerte // URL: <http://www.peremeny.ru/blog/20957more-0957>.

Milchin K. Proigrysh supermena: stoit li chitat' 'Patriot' A. Rubanova [The Loss of the Superman: Is *Patriot* by A. Rubanov Worth Reading?] // URL: <http://tass.ru/opinions/4125041>.

Pustovaya V. Rodiny dym [The Smoke of Homeland] // *Pustovaya V.* Velikaya legkost'. Ocherki kulturnogo naslediya [Great Lightness. Essays on a Cultural Movement]. Moscow: RIPOL klassik, 2015. P. 80–100.

Rubanov Andrey. Ya uzhasny vatnik i militarist, prosto ne vedu publichnoy agitatsii [I am a terrible 'vatnik' and a militarist, I simply do not conduct public agitation]. *Interviewed by A. Gorbachev* // URL: <https://gorky.media/context/ya-uzhasnyj-vatnik-i-militarist-prosto-ne-vedu-publichnoj-agitatsii/>.

Rubanov Andrey. Ya uzhe prochel vse, chto mne bylo nuzhno [I have already read everything I need]. *Interviewed by E. Vasilieva* // URL: <http://prochtenie.ru/texts/28977>.

Rubanov Andrey. Zlobodnevnost' — ne tsel literatury [Topicality is not the purpose of literature]. *Interviewed by Vlad Surkov* // URL: <http://chitaem-vmeste.ru/interviews/andrej-rubanov-zlobodnevnost-ne-tsel-literatury>.